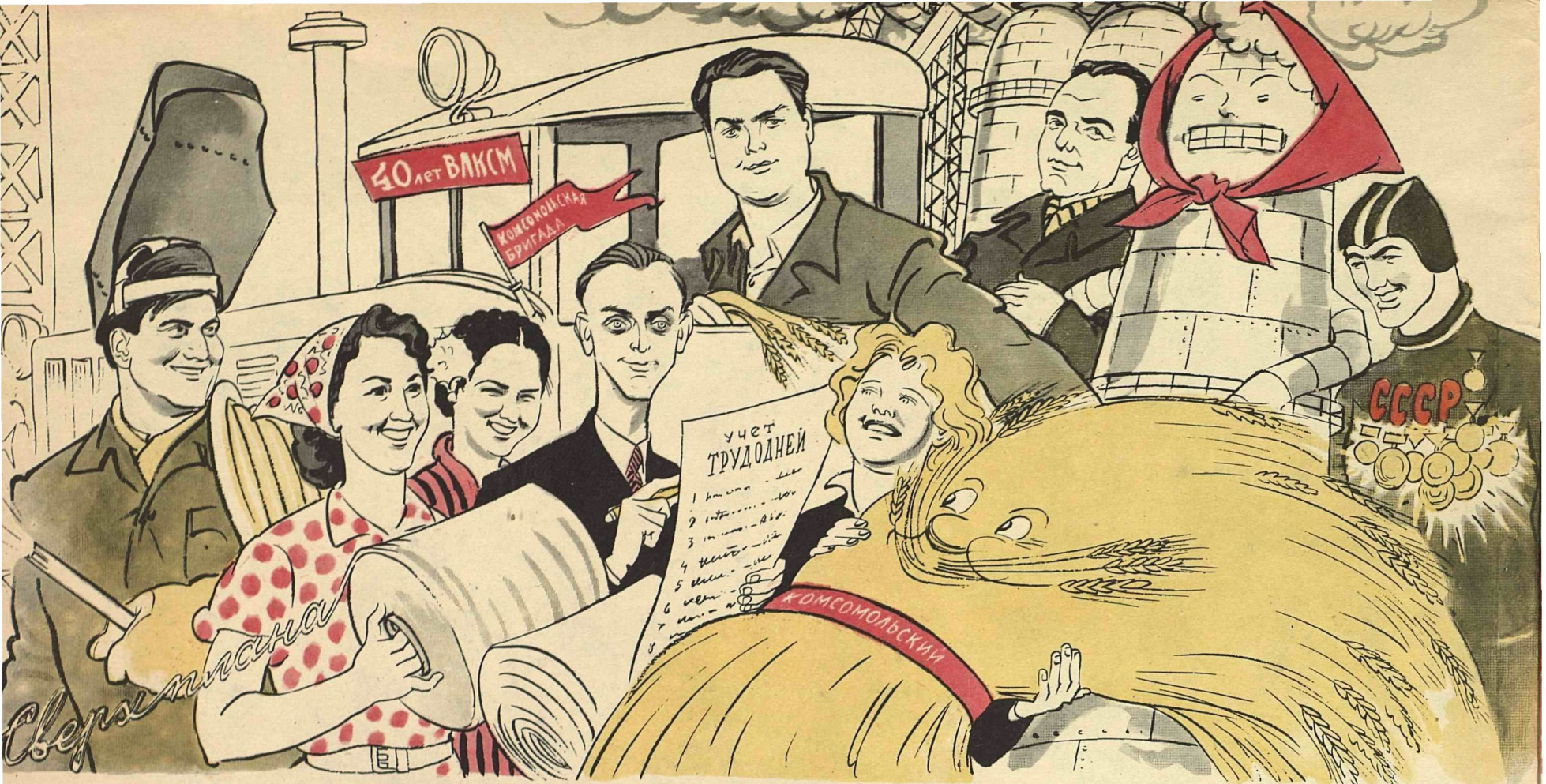

— В нашей семье все были делегатами комсомольских съездов: мы с бабушкой — третьего съезда, сын с невесткой — десятого, а внука — тринадцатого.

КРОКОДИЛ

Дорогой читатель! В этот радостный для всех нас юбилейный день Крокодил вдруг стал в тупик. Перед ним неожиданно возник вопрос: кого считать юбиляром! Кого следует выводить на сцену под гром фанфар! Кого усаживать в голубое кресло на предмет выслушивания речей! Кому преподносить цветы, адреса и подарки! То ли седовласому пенсионеру, что сорок лет назад грузился в теплушку, распевая: «Смело мы в бой пойдём за власть Советов!» То ли пожилой женщине, которая в годы первой пятилетки носила юнштурмовку и строила Магнитогорск! То ли симпатичному паренюку, что стоит сейчас полуобнаженный перед военкоматским врачом, а тот, глядя на его бицепсы, на развернутую грудь, весело бросает: «Годен!»

После зрелых размышлений Крокодил решил, что те, чья комсомольская молодость давно прошла и предательская лысына ведет наступление на кудри, и те, чьи кудри в образцовом порядке, — все они могут с полным правом считать себя юбилярами.

Наш художник Н. Лисогорский изобразил на этом рисунке самую молодую группу маститых юбиляров. Несмотря на их крайнюю молодость, страна сказала им: — Годен!

Годен отстраивать Сталинград! Годен восстанавливать Днепрогэс! Годен осваивать целину, воздвигать домны, сажать цветы, варить стали!

И он, этот молодой человек, не обманул наших надежд и упований. Вот перед вами (первый слева) прославленный мастер электросварки Василий Царенок. Он строил Донецкую-комсомольскую домну. И надо сказать, что домна получилась прямо на диво, с чем искренне поздравляем электросварщика и его молодых товарищей.

Далее впереди две веселые девушки. Их в высшей степени милый облик не мог исказить даже злоязычный карандаш профессионального карикатуриста. Одна из них — Тамара Верест, другая — Хажилхон Умарова. Девушки хорошо дополняют друг друга. Хажилхон — сверхотличная сборщица хлопка в колхозе «Коминтерн», Андижанской области. Тамара — не менее отличная мотальщица на Горийском хлопчатобумажном комбинате.

Фамилия стоящего впереди со вкусом одетого молодого человека — Багдонас. В отличие от некоторых юных модников, у которых за душой, кроме малинового пиджака и полугаечного галстука, ничего нет, у Альгирдаса Багдонаса за вышеупомянутой душой кое-что имеет-

ДАР

Неосмотрительные родители взяли с собой семилетнюю дочурку на оперный спектакль.

Девочка так передавала свои впечатления:

— Пели там какие-то глупости. Дедушка с большой бородой, в длинном халате хотел поступить в комсомольцы. Ему сбрили бороду и надели на него совсем узкие «дудочки», но все равно он не стал комсомольцем. Он обманул девушку, пил водку и подколол насмерть солдата на улице. Его исключили из комсомола, он провалился и стал снова стариком.

В детском изложении оперного «Фауста» есть ошибки, именуемые анахронизмами. Во времена Фауста не было и не могло быть комсомола. Но одна истина глаголет устами советского ребенка: Фауст не мог омолодиться по-настоящему потому, что не мог стать комсомольцем.

Молодость — это не только возраст, обозначаемый в календаре. Все врут классовые буржуазные календари. Молодость — это дар, талант, гений. Общество, обреченное на историческую смерть, бездарно в своей молодости.

Мечта о вечной молодости родилась на заре человеческого общества, сопутствовала ему во всех минувших веках. Античный

мир награждал своих богов и богинь вечной молодостью и неувядающей красотой. Но античный мир умер, и с ним умерли мифы, соблазнявшие людей. Легенда о Фаусте воскрешала древнюю мечту.

То, что было мечтой в истории, стало действительностью нашей великой современности. Вечная молодость существует. Это бесценный дар коммунизма народу, который строит новое общество.

* * *

Сорок лет назад в словари народов вошли новые слова: «комсомол», «комсомолец». Они так звучат на языках всего мира. Их нельзя перевести на эти языки, потому что для них нет в старой речи соответствующих понятий. По существу, комсомол — это и есть вечная молодость.

Старые старики старого классового мира встретили комсомол злым и сердитым шипением. Он был облян из всех газетно-подворотных заведений. Старые старики ожидали, что комсомол состарится, как они сами и их дети. Но этого они не дождались и не дождутся до самой своей смерти. Происходит нечто непонятное и невозможное с точки зрения старой старины: по возрастным, календарным срокам комсомол вошел в солидные, совсем не юношеские

годы, но как дар коммунистического народа наш комсомол не постарел, а помолодел. Социалистическая хронология обладает своими собственными законами.

Старый мир создал традиционный символ времени. Это лысый и угрюмый старец с огромной нечесаной бородой и с косой в руках. Его тусклый взор устремлен в прошлое. Он движется вспять. Имя ему — Хронос. Он неприятен и зол. Он враг молодости и красоты. Он детоубийца, пожиратель своих детей.

Наше время совсем иное, с другой художественной символикой. Оно движется вперед, всегда вперед. Коса сдана в архив веком комбайнов, нейлонов и электронов. Наше общество восходит вверх, к озаренным высотам коммунизма, к юности мира. Поэтому оно не стареет, а молодеет в своем развитии, и в комсомоле выражена великая идея творческого преобразования всего мира.

* * *

Дорогой наш комсомол! Тебя славят в день твоего юного сорокалетия родная партия, будут славить старшие братья — люди труда и науки, строители и создатели, писатели и художники, будут славить комсомольцы и молодые беспартийные люди всех стран и всех народов.

ся. Достаточно сказать, что он председатель одного из передовых колхозов Литовской ССР.

За тов. Багдонасом скромно поместился известный бригадир тракторно-полеводческой бригады совхоза «Сибиряк», Омской области, В. Дзюба. Рядом с домной Алексей Никитин — начальник комсомольско-молодежной смены Орско-Халиловского металлургического комбината. Чуть пониже — работница полеводческой бригады совхоза «Свободный», Акмолинской области, Светлана Урбанович. Взгляните на могучий сноп в ее руках, и вы поймете, что она обогнала многих своих товарок. Рядом с этим, так сказать, производственным скороходом — скороход спортивный. Это, как вы уже догадываетесь, чемпион мира по скоростному бегу на коньках Олег Гончаренко. Крокодил намеренно дает его в анфас, так как учитывает, что все противники Гончаренко на ледяной дорожке видели главным образом его спину. Ну, а какой это вид, со спины!

Подле прославленного скорохода — Ф. Фивейский. Ему не приходится бежать сломя голову, но он тоже не стоит на месте. Скульптор Фивейский — лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи. Совсем недавно ему присудили почетный диплом на Брюссельской выставке за

скульптуру «Сильнее смерти». Как видите, молодой Фивейский тоже быстро передвигается по широкой дорожке мастерства.

За скульптором стоит курсант П. Кубатый, отличник боевой и политической подготовки. Курсант метко поражает цель, неустанно добываясь высокой цели — стать образцовым защитником Родины!

Далее мы видим прославленную доярку из колхоза «Путь Ильича», Михневского района, Московской области, Т. Чугуну, звеньевую колхоза имени Мичурина, Луховицкого района, этой же области, А. Есину, лучшего тракториста Алтайского края В. Игнатенко и Героя Социалистического Труда звеньевую колхоза «Коммунар», Черкасской области, А. Ильченко. И, наконец, перед нами бригадир треста «Мосстрой» П. Привалов. Его бригада завершает сооружение нового дома. Кто знает, быть может, в здание, которое будет построено Приваловым и его товарищами, въедешь ты, наш дорогой читатель! Быть может, это произойдет в славный юбилейный день. И тогда ты еще раз вспомнишь добрым словом знатного строителя, а вместе с ним всех наших замечательных молодых людей, которым мы с легким сердцем и спокойной совестью вверяем будущее нашей Родины.

Молодость

И старый мир отживающей старины тоже почтит твой юбилей ожесточенным лаем из газетных подворотен буржуазии. Прими этот лай как живое свидетельство твоей молодости и силы.

* * *

Мы, крокодилы, славим твой смех. Где комсомол, там веселость. Твой веселый, задорный смех звучит на целине, на строительстве новых станций и заводов, шутка сопровождает научные открытия. От твоего дружеского, беззлобного смеха теплеет ледяная стужа в бескрайних просторах Арктики и Антарктики...

Но твой смех может разить наотмашь врагов твоего нового мира, и старые старики всех возрастов корчатся от бешенства, заслышав твой уничтожающий смех.

У тебя много друзей, верных, испытанных, во всем мире, но много и врагов. Их нет только у того, кто не борется, кто благодушен и покладист, кому можно без опаски положить палец в рот, ибо беззуб он от драхлости своей.

Нет, у тебя, комсомол, хорошие, здоровые зубы, без коронок и без дыр. Когда иной молодой человек с Уолл-стрита осклаивается, тщась изобразить улыбку, мы

видим залежи золота и набор корон,— картина феодализма...

* * *

Но гнилым набором фальшивых зубов скалится против нас не только старая, выморочная старина капитализма: ее пережитки еще гнездятся у нас, в щелях нового мира. Комсомол немало потрудился, выкорчевывая их, выжигая огнем острой критики, создавая новый быт, новую мораль. Но пережитки живучи.

Это не только распущенность, пьянство, хулиганство, не только ранний карьеризм среди части нашей молодежи. И это не только стилиаги — физические уродцы в узких штанишках на рахитических ножках, с бараньей шерстью на бездумной голове. Это и моральные стилиаги с мыслями «дудочками», с мозгами набекрень, с вывихнутыми чувствами, с вихляющей моралью.

Есть враг у нашей молодежи, пожалуй, наиболее опасный. Это — равнодушие. Встречаются молодые люди, три вершка от школьной скамьи, уже тронутые склерозом старчества. Они уже ко всему привыкли, их ничем не удивишь, ничем не порадуешь, ничем не вдохновишь. Они уже «все знают», потому что ничего не знают. Они смотрят на жизнь тусклыми глазами,

думают только о себе и ничего не видят. У них есть на все спасительная формула.

Скажите этим старичкам, что пущена новая электростанция в Советском Союзе, равной которой нет в мире, — они возразят:

— Ну и что же?

Скажите им, что пущена в ход новая комсомольская домна, что поставлены новые мировые рекорды...

— Ну и что же?

Скажите им, что новая советская семилетка приблизит нас к коммунизму...

— Ну и что же?

Это сорняки, пробившиеся на огромном массиве молодежного поля. Пусть их мало — они опасны. Они пробивают себе путь в литературу и искусство. Они не стилиаги, не мерзавцы. Они «честные люди», но вред от них большой.

Комсомол — это политический процесс высокого накала. Его температура должна неуклонно повышаться. В нем горит и разгорается бурное пламя неустанной борьбы, источник великого творчества. Комсомол не терпит теплых, тепленьких и тепловатых молодых людей.

В пламени революционной страсти отливается новый тип человека. Его сила в вечной молодости.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Рисунок В. ГОРЯЕВА

Митрофан — жених завидный,
Из себя он парень видный,
По базарам он с отцом
Ездит ухарем-купцом.

Все отец устроить может,
И сынок ему под стать:
Сбыть яички подороже,
Подешевле тюль достать.

Говорила мать, вздыхая:
— Оженился бы давно!
За тебя пойдет любая,
У тебя всего полно!

Коверкотова пара —
Привезли вчера с базара;
Замечательный баян...
Чем не парень Митрофан!

И решил сынок жениться.
Только б как не ошибиться!

Может, высватать Галину,
Что над речкою живет!
Не житье пойдет — малина,
Ведь Галина — садовод.
Или лучше выбрать Олю!
Вот хорошая жена!
Бригадиром Оля в поле,
И красива и умна.

Целый день лежи в кровати,
Если женишься на ней.
Знают все: у Оли хватит
И для мужа трудодней.

Напечет ему блинов,
Купит к осени обнов.

— Нет, женюсь на агрономе! —
Разгорается душа. —
И зарплата все же в доме,
Да и Маша хороша.

Дам жене команду: — Ну-ка,
Отправляйся в огород!
Пригодится ей наука,
Пусть порядок наведет.

Сватов парень срочно шлет
И с ответом сватов ждет.

— Нет! — отрезала Маруся. —
Знаю я такого гуся!
От Марусиных ворот
Сватам полный поворот.

Оля тоже, как ни странно,
Не идет за Митрофана,
И от Галиных ворот
Сватам тоже поворот.

Ходят сваты две недели,
Всем изрядно надоели,
И везде один ответ
Митрофану: нет и нет!

Так и ходит Митрофан,
Носит пару и баян.
Но себе хорошей пары
Не находит Митрофан.

г. Чебоксары.

С. МАРШАК

Адрес комсомола

Нынче день у нас веселый:
Комсомолу сорок лет.
Дайте адрес комсомола —
Мы пошлем ему привет.

Вот он, адрес комсомола:
Цех любой, любая школа,
Борт любого корабля,
Самолеты, ледоколы
И целинные поля,
Города, поселки, села,
Море,
Воздух
И земля!

ОБГОНЯЯ ВРЕМЯ

(рассказ
старого комсомольца)

Порой даже и нас, выдавших виды плановиков, поражают своей грандиозностью цифры, которые будет обсуждать XXI съезд нашей партии.

Как-то мы подсчитали, что за один день 1965 года получим почти столько электроэнергии, сколько давали за год все станции дореволюционной России.

Может быть, ошибка? Проверили. Точно!

И невольно мысли перенесли в 1921 год. На бывшую Воздвиженку, ныне улицу Калинина, где помещался ЦК РКСМ, секретарем которого я был в те годы... Весь транспорт нашего ЦК составляла одна рыжая кобыла*, запряженная в извозчицью пролетку.

Всего одна, с позволения сказать, лошадиная сила...

Нахлынувшие воспоминания унесли меня в далекое прошлое.

Август 1917 года... Необычайно гордый, несмотря на небольшой рост, стою, выпятив грудь колесом, перед отцом — старым черноморским матросом.

Шутка ли, я боец красногвардейского отряда рабочих одесского судостроительного завода «Ропит»!

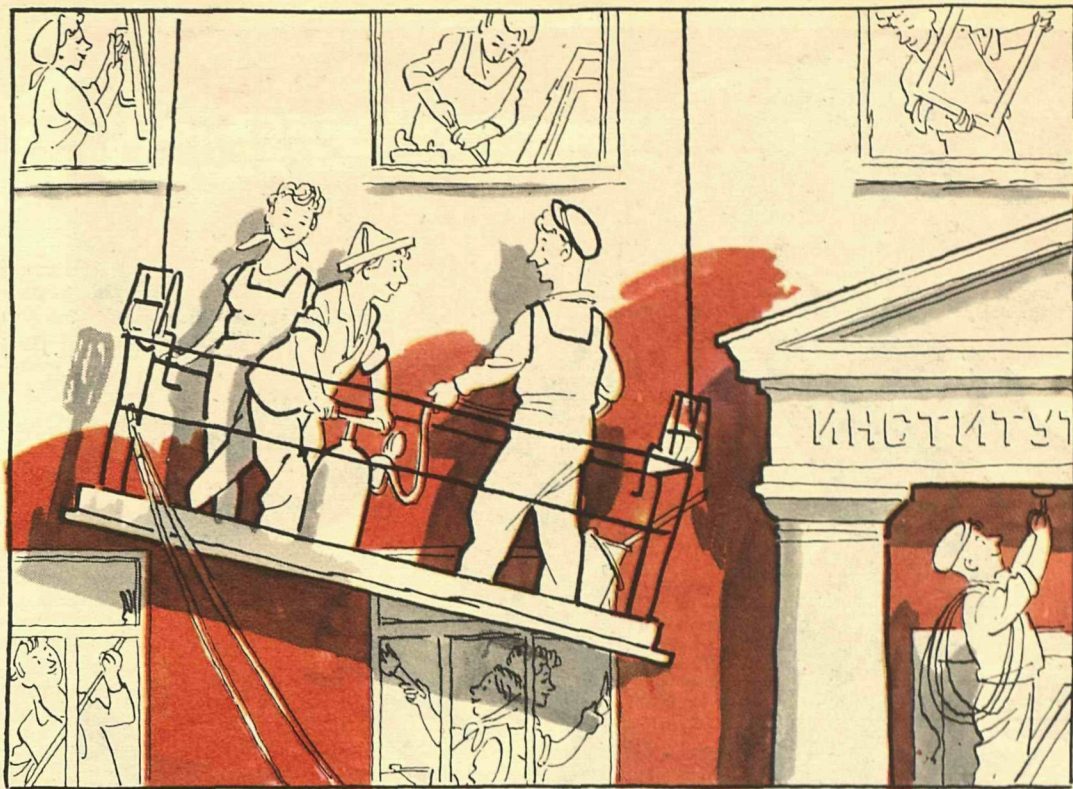
За плечом у меня винтовка, на поясе кобура с великолепным испанским наганом, вся грудь в пулеметных лентах.

Осмотрел он всю богатейшую амуницию, так не гармонировавшую с моей приземистой фигуркой, обнял меня и рассмеялся: — Какой ты, Васек, смешной!..

А через добрых четыре десятка лет мы вместе с приятелем, тоже старым комсомольцем, провожали на Ярославском вокзале в Москве его сына, уезжавшего с молодежным эшеленом на освоение Сибири.

Мой друг — рослый, усатый, уже поседевший детина — с улыбкой разглядывал своего тщедушного,

* Сильно подозреваю, что Демьян Ведный писал об этой «дохлой кобыле», которая, не выдержав комсомольских темпов, отправилась на тот свет.

— Только что получили аттестат зрелости и уже заканчиваем институт.

но весьма энергичного паренька, увешанного всяческим снаряжением.

За плечами объемистый рюкзак, набитая до отказа полевая сумка и рядом компас, на груди фотоаппарат, ноги утопают в длиннющих болотных сапогах...

И, точно гоголевский Тарас Бульба, с любовью рассматривающий своего Остапа, мой товарищ промолвил:

«А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой!..»

Такие вот смешные пареньки и девушки с косичками свершили за сорок лет немало славных дел!

Они, «безусые энтузиасты», соорудили в лютые бураны знаменитую Магнитогорскую комсомольскую домну № 2. Наперекор ехидным насмешкам оппортунистов всех мастей, утверждавших, что в Сибири и на Урале климат для домен совершенно неподходящий...

Это было в тридцатых годах. А через четверть века второе поколение комсомольцев взялось за один год построить уже не одну, а целых семь домен.

Опять нашлись недоверчивые хозяйственники:

— Семь новых печей за год? Три и то от силы!..

Комсомольцы опять посадили нытиков в лужу: построили уже шесть домен, седьмую достраивают!

В 1921 году ЦК Российского Коммунистического Союза Молодежи занимался главным образом такой проблемой: как помочь партии обеспечить детей и рабочих хлебом. Тогда выдавалась восьмушка в день. Это 50 граммов!

А сегодня посланцы комсомола шлют с целины сотни миллионов пудов хлеба.

Вот вам и смешные юнцы!..

В смешное положение попали не они, а всяческие буржуазные

предсказатели, каркавшие о крахе строительства коммунизма.

В особенности оконфузились они, когда облетела весь мир весть о запуске первого искусственного спутника Земли.

А наша молодежь, принявшая достойное участие в этом научном подвиге, смеялась:

— Экие вы смешные, горе-оракулы! Выходит, вам еще у нас поучиться нужно...

* * *

Так вот, возвращаясь к перспективному планированию, которым мы сейчас усиленно занимаемся...

Откровенно говоря, хотелось бы мне, как старому комсомольцу, запланировать продолжение жизни моего поколения хотя бы до 1975 года! Это минимум! Уж больно интересно взглянуть хоть одним глазком на реальное воплощение тех цифр, которые мы сейчас записываем в наших проектах.

Советские ученые наряду с гигантскими проблемами уже занимаются и вопросами продления человеческой жизни. Честь им и хвала!

А пока еще не сбылись пожелания поэта — «лет до ста расти нам без старости», — комсомольцы придумали неплохой выход: они научились обгонять время.

И если молодой производственник-новатор с законной гордостью говорит: «Я работаю уже в счет 1962 года», — то старый, поседевший в боях комсомолец первых лет революции может ему резонно ответить:

— Ты, конечно, молодец! Но не забывай, друг, что комсомольцы уже в 1918 году тоже работали не только в счет будущего 1962 года, но и вообще в счет будущего!..

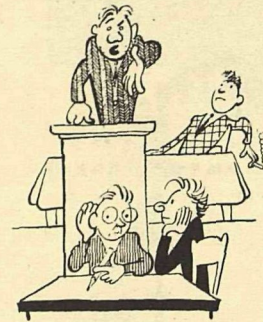
Член Госплана СССР
профессор В. Ф. ВАСЮТИН

— Нам песня строить и жить помогает.

«АКТИВ» И КОЛЛЕКТИВ

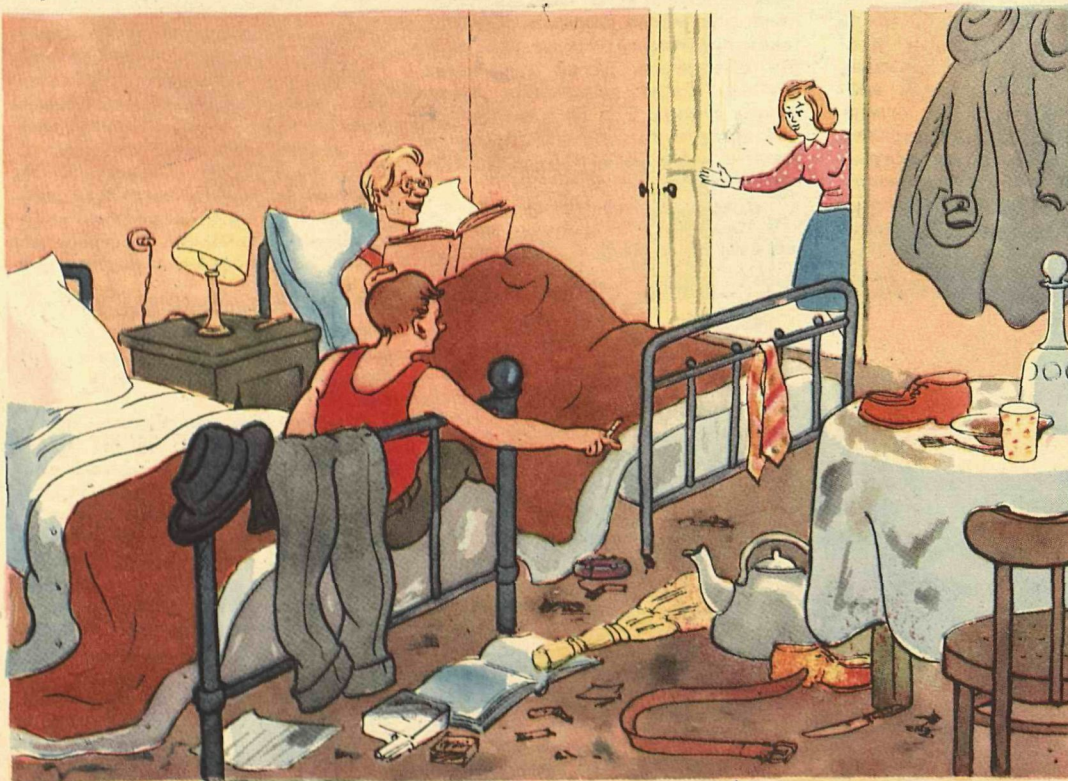

Скучно в этом коллективе:
Он во всем всегда в прорыве,
Там уж года два подряд
Дни идут — дела стоят.
Мы зашли туда, спросив:
«А велик у вас актив!»
В комитете комсомола
Отвечали хором в лад:
«Клим, Иван, Степан, Кондрат.
Сочиняют новый план
Клим, Кондрат, Иван, Степан.
Выполняют ежегодно
Поручений целый ряд
Клим, Иван, Степан, Кондрат.
Выступать в порядке прений
Поручаем тоже им.
Речь послушаем Ивана,
Речь Кондрата, речь Степана,
А итог подводит Клим.
Резолюцию строчат
Клим, Иван, Степан, Кондрат!
Кто на сцене ветеран!
Клим, Иван,
Кондрат, Степан...»
Не стерпев, тут мы вскочили,
Нас бросало в жар и в дрожь.
«Это те же, что и были!
Ну, а где же молодежь!
Активисты!

Активистки!
Человек с полсотни в списке,
А на деле не найдешь!
Секретарь развел руками.
«Перечислю всех подряд:
Клим...»
«Не нужно! Знаем сами:
Клим, Иван, Степан, Кондрат!»

г. Свердловск.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА.

— У вас всегда так грязно!
— Нет, только по вторникам: в этот день уборщица выходная.

В. КРИВОЛАПОВ

ЦЕЛИННЫЕ ЭПИГРАММЫ

КТО ВО ЧТО ГОРАЗД

Уж он-то хлебу знает цену,
И соли вкус ему знаком:
На целине у нас бесшумно
Пять лет заведует... ларьком.

НЕОСВОЕННЫЙ ГЕКТАР

Болезничков иных перед сезоном
Напрасно лихорадило весной:
Во всем совхозе поле стадиона
Доньине остается целиной.

Алтайский край,
Топчихинский район.

МЕЛЬТЕШНЯ

Из цикла «Сатирические типы»

Куда-то должен он поспеть,
И с кем-то должен посидеть,
И где-то что-то просмотреть,
И забежать к кому-то.
Всегда куда-то мчится он,
Торопится куда-то.
То бал,
 то матч,
 то стадион,
То памятная дата,

То друг его какой-то ждет,
То вернисаж,
 то конкурс мод,
То новый фильм,
 то новый джэз...
По горло дел...
— Который час!
И, как петух с насеста,
Срывается он с места.

С утра он точно по часам
Из зданья мчится в здание,
Но жизнь его
 и весь он сам —
Сплошное опоздание!

Что в жизни создал он, любя!
Кто он в конечном счете!
Что произвел!
Какой себя
Он посвятил работе!

Стараясь всюду побывать
И не отстать от моды,
От жизни он успел отстать
Не на часы —
 на годы!

Он вечно занят...
Каждый раз,
При каждой встрече с вами
Он спросит вас:
— Который час!
И сверится с часами.

И на лице его испуг,
И зол он не на шутку,
Когда часы отстанут вдруг
За сутки на минутку.

Так мал и скуден лет запас,
Так дорог каждый день и час
И каждая минута!

— Исключили из института! За что! Я был-то
здесь всего два раза!

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

НАРЦИСС

Все люди, как правило, тянутся к счастью.
А можно ли счастье узнать, не любя!
И Петя влюбился!
 Не в Таню,
 не в Настю,

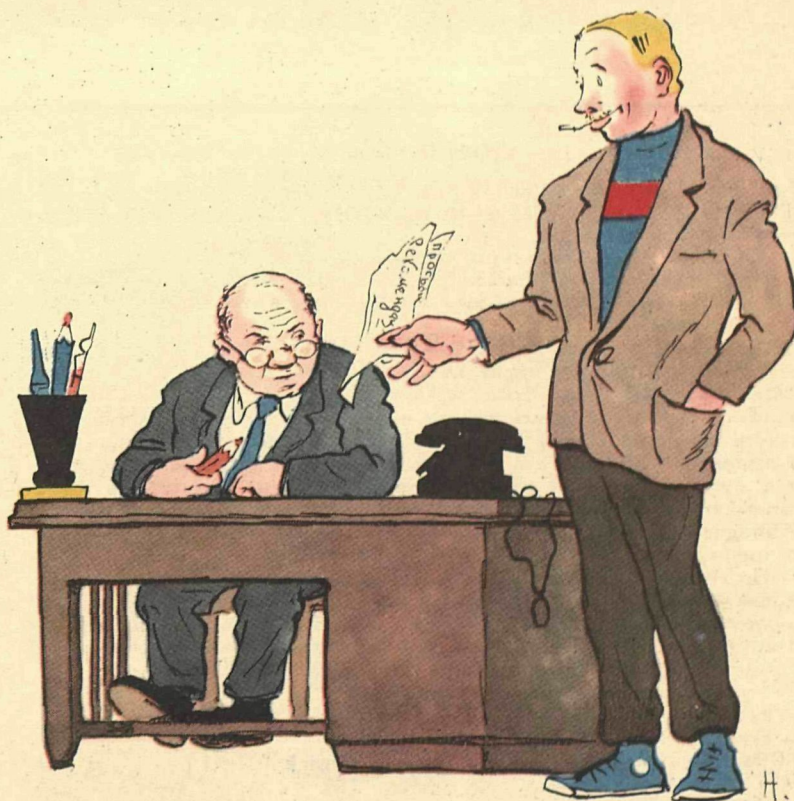
Не в Машу,
 не в Олю,
 не в Полю...
 В себя!

Любовь...
Он познал это чувство святое,
Одной лишь своей поглощенный судьбой.
Как новый Нарцисс,
 перед зеркалом стоя,
Часами любит Петя собой.

Он все свои прихоти, как по приказу,
Исполнить старается точно и сразу.
В свой собственный бархатный голос влюблен,
Себя одного только слушает он.

Себе посвящает он все, что имеет,
Не жалко ему для себя ничего.
Как рыцарь избранницу сердца лелеет,
Так Петя лелеет
 себя самого.

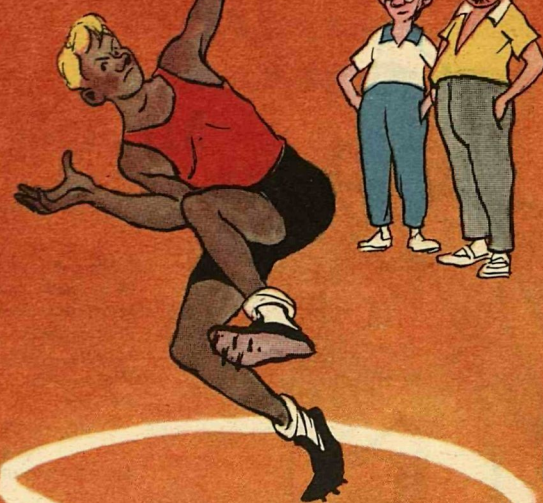
Себя он считает героем, поэтом,
Красавцем...
И нету смешней ничего,
Чем этот Нарцисс
 с комсомольским билетом
И жалкий предмет обожанья его.

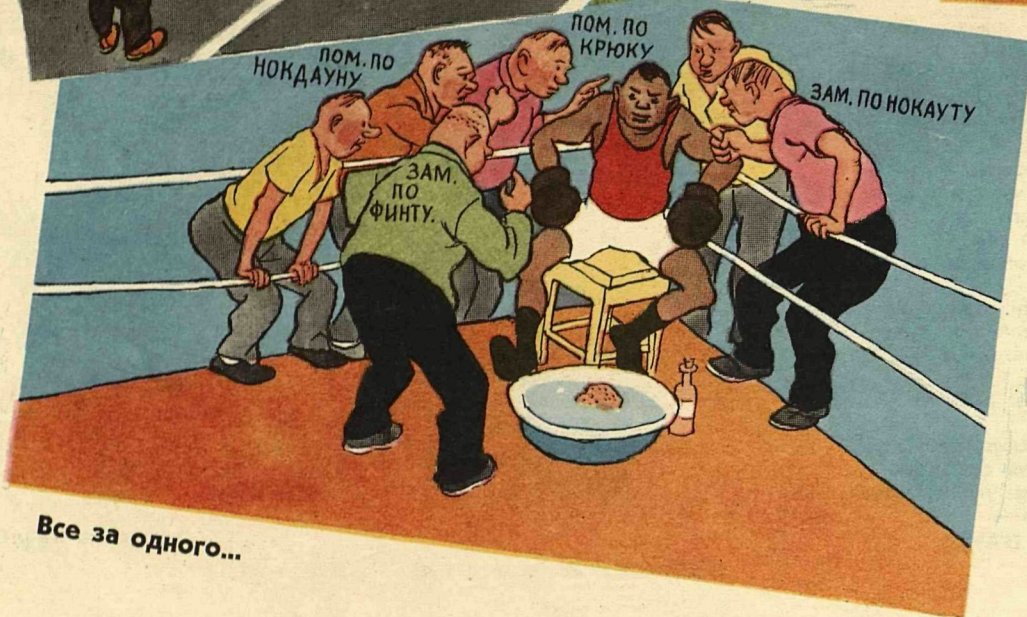
— Боюсь, молодой человек, что на этом месте вам не-
чего будет делать...
— Ну, этого я совсем не боюсь.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

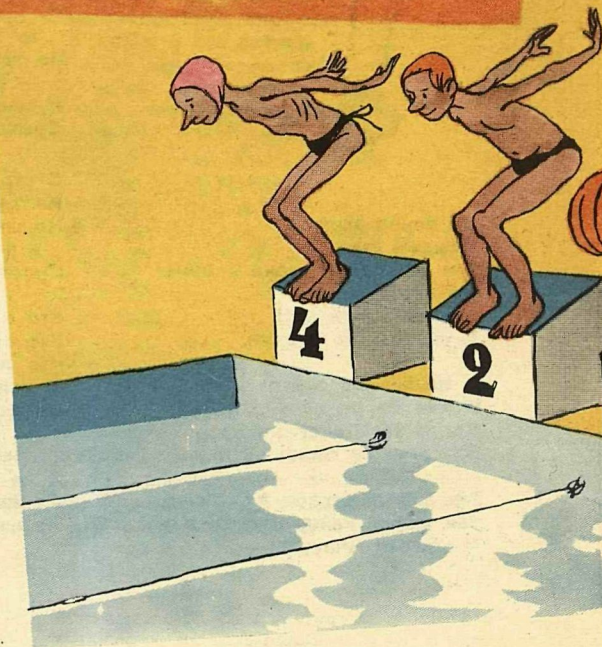
Скатертью дорожка!

— Что это он в такой позе!
— Ждет, пока ядро в руку вложат.

Все за одного...

ОДИН ИЗ СТА

Как только пароход подошел к причалу и туристы сошли на берег в Стокгольме, Михаил Всеволодович спросил у гида фрекен Лидии:

— А карты у вас есть?

— Да, конечно. А вам какую: города или всей страны?

— Мне игральные, для преферанса,— сказал Михаил Всеволодович и добавил: — Для пульки все уже готово. Бумага, карандаши. А карт нет. Дома забыл.

И вот со дня приезда до дня отъезда Михаил Всеволодович с друзьями провел в тесном, прокуренном номере гостиницы в компании четырех дам: лик, трэф, бубен и червей. Игра шла весь день и всю ночь. Под утро преферансисты так выматывались, что не могли шевельнуть пальцами. Карты им приходилось сдавать уже зубами.

В нашей группе было сто человек. Все с утра на ногах. Одни спешат в музей, другие — в научно-исследовательские институты, в гости к своим шведским коллегам, третьи — в картинные галереи. А Михаил Всеволодович никуда. Представитель «Интуриста» как-то силком посадил преферансистов в автобус и повез их осматривать город.

— Но нас не обманешь! — хвалился после экскурсии Михаил Всеволодович. — Гид старается, рассказывает, а мы устроились на самой камчатке и знай себе потихонечку сдаем карты и пишем висты.

И вот через две недели друзья-преферансисты возвращаются из-за моря домой. Служивцы бегут к Михаилу Всеволодовичу:

— Ну, как вам понравился Стокгольм?

— Так себе, не очень,— морщится Михаил Всеволодович.

— Почему?

— Карта не шла. На простой игре я остался как-то раз даже без двух. А вот Гетеборг — это да, город! Там я сыграл мизер и две восьмерных кряду.

ДОБРАЯ ДУША

— У вас что, щегол? — спросил Прохор Сергеевич, и глаза его наполнились умилением и лаской. — Какая прелесть! Мы тоже очень любим животных. Я, жена, дочь. Помню, шел я как-то мимо реки. Ноябрь. Все утки улетели на юг, а одна, с пораненным крылом, оста-

Сем. НАР

Маленькие

лась в камышах. Я принес ее домой. Жена лечила, кормила утку. К Новому году несчастная поправилась и стала совсем ручной.

— И что же дальше?

— Мы зарезали ее и съели. Или был у нас еще случай. Дочка принесла с улицы маленького голубочка. Бедненький, наверное, выпал из гнезда. Мы его отогрели, приласкали. Стали кормить, ухаживать. Голубь вырос, повеселел. Бывало, ты только войдешь в комнату, а он сразу летит навстречу, садится на плечо. Курлычет, ластится...

— И что же дальше?

— Мы зарезали его и съели. А вот еще случай. Сестра подарила жене щенка. Беленький, пухленький, и звали его Полканом. Мы стали ухаживать за ним, кормить, холить. И щенок вырос большой собакой.

— А дальше что? Неужели вы и Полкана зарезали, съели?

— Господь с вами! Разве собак едят? Я же говорил, волос у Полкана был мягонький, вот мы и продали собаку соседу на шапку.

НА РАСПУТЬЕ

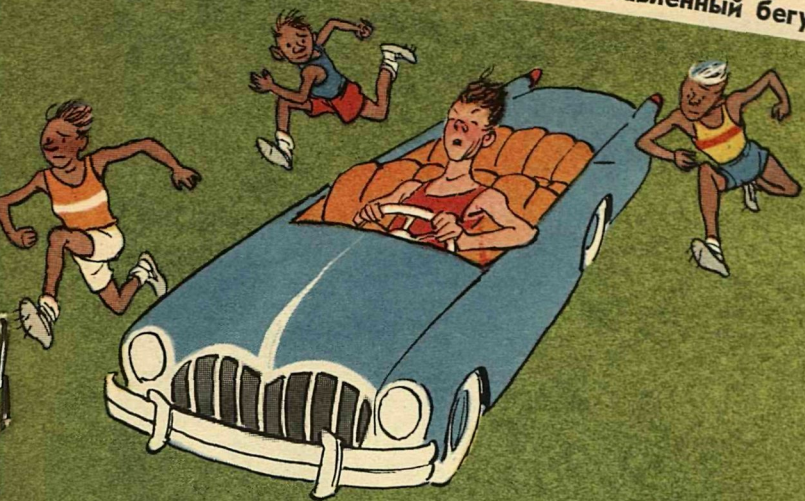
Я сидел в номере областной гостиницы у телефона и ждал вызова междугородной станции. Вдруг кто-то постучал в дверь. Я еще не успел сказать ни да, ни нет, как на пороге комнаты уже показался мужчина лет тридцати. Невысокий, узкогрудый. Под носом тонкими жальцами торчат два усика.

— У меня к вам дело.

— Простите, но сейчас уже двенадцать ночи.

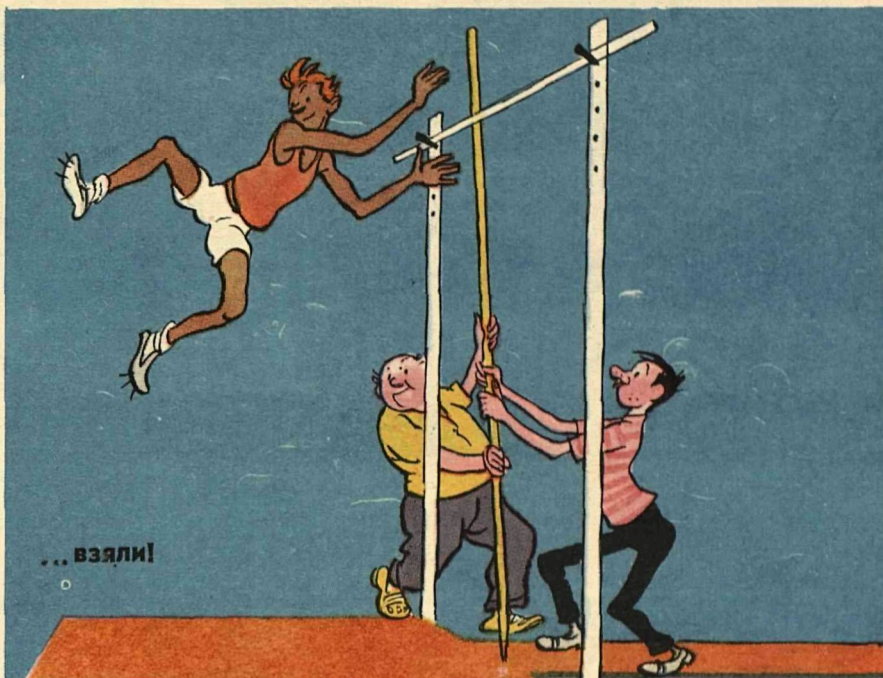
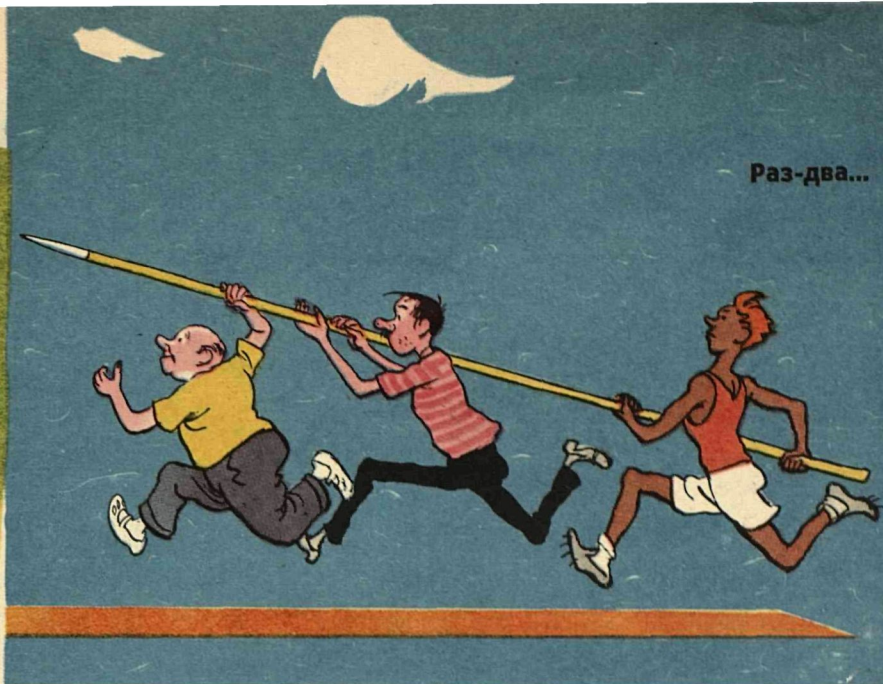
— Вы должны выслушать меня. Это очень важно. Вопрос касается жизни одного гражданина.

Высокопоставленный бегун.

Создали условия.

Раз-два...

... взяли!

ИНЬЯНИ

рассказы

И, не дожидаясь моего ответа, человек с тонкими усиками стал быстрым, таинственным полупешепотом рассказывать:

— Он был моим другом. Мы все делили пополам. Не было ничего, даже самого дорогого, чего я пожалел бы для него. Ну вот для примера. Поставил я в своей квартире личную ванну, и первый, кто купался в ней, был он. Мой друг.

Как-то раз, когда я был на работе, он поехал кататься на машине с моей женой. Она полная, красивая, а он еще меньше меня. Сморчок, килька! Как только машина выехала на загородное шоссе, этот гражданин стал целовать мою жену. Она, бедная, отбивается. Она говорит: «Я люблю своего мужа». А юн ей отвечает: «Я люблю твоего мужа больше, чем любишь его ты». Она говорит: «Я племянница полковника Малентьева, тебе за это попадет». А ему хоть бы что. Он целует ее. Она говорит: «Я напишу письмо секретарю горкома партии». И только тогда он пришел в себя и привез ее домой. Жена никому не сказала ни слова, только кратко проинформировала о случившемся свою близкую подругу Анну Евсеевну. А та взяла и рассказала мне. Я хотел пойти и сейчас же убить его, подлеца. А жена поймала меня за рукав и говорит: «Не надо убивать. У него много знакомств. Он может сделать тебе неприятности по службе».

И вот скоро два года, как я весь киплю. Правда, внешне я не подаю вида, будто что-то знаю. Здоровуюсь с ним. Приглашаю в гости. Играю с ним по выходным в домино. Но внутри меня все время мучит один вопрос: «А не пойти ли мне к секретарю горкома партии и не рассказать ли обо всем ему?»

— А что думает по этому поводу ваша жена?

— Жена тоже не подает вида. Также приглашает его в гости. Ездит

с ним кататься на загородное шоссе. Но я ей верю. Она, правда, красивая, полная, но женщина честная.

Человек с усиками был глуп, и его следовало, конечно, выставить из комнаты. Но такова уж наша журналистская участь — выслушивать всех до конца. А он продолжал стоять рядом и шептал:

— Скажите, что делать? Убить его или написать заявление секретарю горкома?

— Убейте!

— Вы, фельетонист, шутите. А я почти совсем не сплю. Лежу рядом с женой. Она полная, красивая, а я всю ночь курю папиросы. Но я больше не могу жить с ножом в сердце. Скажите, что делать?

— Спросите об этом ее.

— Ей что! Она говорит: «Фима, ты дурак!»

Я говорю ей: «У меня все кипит!» Она отвечает: «Мне бы твои заботы!»

Она, конечно, женщина честная, но как быть мне? Посоветуйте!

— Ваша жена права. Перестаньте забивать свою голову подозрениями. Думайте о чем-либо другом.

— А если меня бесит подлое поведение моего друга?

— Хорошо, убейте его.

— А может, лучше написать заявление?

— Простите, я должен подготовиться к телефонному разговору.

Но ночной посетитель и не собирался уходить. Наоборот. Он наклонился к моему уху и сказал:

— Знаете, а этот друг начал уж, кажется, вредить мне по службе.

— Каким образом?

— Меня уже давно должны были выдвинуть с должности старшего администратора на пост заместителя директора театра и не выдвигают. Это, наверное, все он! Может, я напрасно с ним так холоден? Может, он догадался, что я все знаю, и теперь мстит? Скажите, что делать? Я обращаюсь к вам как к специалисту по морали и быту.

Тут раздался спасительный звонок с междугородной станции, и я извинился в последний раз:

— Простите. Некогда. До свидания.

Человек с тонкими усиками вышел из комнаты, и из гостиничного коридора до меня снова донесся его тяжелый вздох:

— Господи, что же делать? Что?!

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

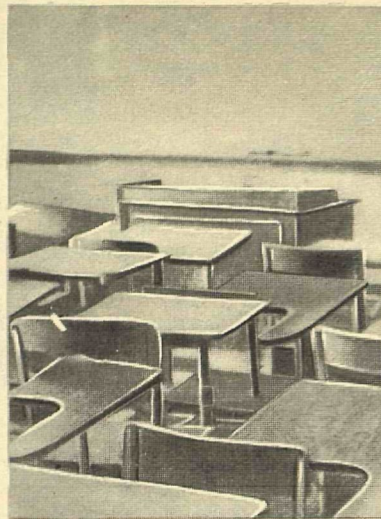

— Куда же теперь!!

— Куда же теперь!!

ПУСТЫЕ КЛАССЫ

— Чтобы белые и черные учились вместе? Этому не бывать! — говорят расисты американского штата Арканзас во главе с губернатором Орвалом Фобусом. — Лучше закрыть на целый год все школы в городе Литл-Роке!

Ничего, что тысячи детей лишены возможности учиться. Чем меньше будут они знать, тем легче сделать из них полноценных расистов. Ведь ничто так не вредит расизму, как знания!

Пустые классы в центральной школе Литл-Рока — отличная иллюстрация к пустым разговорам о равноправии негров в США.

Ей было скучно...

Шестнадцатилетняя девушка Дайэна Дэй Хамприз из американского города Хьюстон, несмотря на юный возраст, уже пресытилась жизнью. Недавно она решила хоть как-нибудь убить скуку и с этой целью убила своего четырнадцатилетнего брата. В порядке следующего развлекательного мероприятия она наметила убийство обоих родителей, но не успела осуществить его из-за вмешательства полиции.

На снимке инспектор полиции, ведающая малолетними преступницами, допрашивает юную убийцу, которая объясняет: «Мне было так скучно...»

Дайэна добилась своего. Теперь ей не скучно. Каждый день ее интервьюируют, фотографируют и вообще окружают всяческим вниманием. Она открыла самый простой способ завоевания популярности в Соединенных Штатах.

С песнями Штрауса

Как только орудийные залпы спугнули стаи ворон с пожелтевших каштанов и танковые гусеницы своим лязгом возвестили о начале осенних маневров бундесвера, неожиданно раскрылись музыкальные дарования однофамильца «короля вальса» — боннского министра обороны Франца-Иозефа Штрауса.

В отличие от Иоганна Штрауса министр обороны проявил себя в хоровом пении. Способности его уже получили поощрительную оценку заокеанских ценителей. Американский журнал «Ньюсуик» воздал хвалу инициативе Штрауса, который распорядился напечатать к началу маневров бундесвера 50 тысяч экземпляров сборника солдатских песен.

Прежде чем поставить свою подпись под приказом, согласно которому на «духовное вооружение» бундесвера принят новый песенник, боннский Штраус мысленно перенесся на поля маневров. В ритмичном топоте башмаков американизированного боннского войска он ловил дорогу сердцу реваншистов мелодию разухабистой солдафонской шансонетки «Лили Марлен». Как хотелось бы включить ее в новый сборник!

Но федеральный министр вовремя одумался. В самом деле, пока приходится терпеть под боком «союзников» по НАТО, им, наверное, не совсем приятно вновь услышать «Лили Марлен», которую горланили гитлеровские оккупанты на улицах Западной Европы. Короче говоря, комиссия экспертов, назначенная Штраусом, убрала из сборника «Лили Марлен» и другие гитлеровские песенки. Журнал «Ньюсуик» поспешил разрекламировать сию «демократизацию» песенника Штрауса, в котором красовались теперь переведенные на немецкий язык американско-европейские джазовые напевы вроде «О Сусанна!».

Американские генералы аплодируют рвению западногерманского министра обороны: оружие для молодых немцев — американское, форма — почти американская, а теперь и армейские песенки — тоже в американском стиле.

Недостает разве лишь сольного номера в исполнении самого Штрауса. Впрочем, федеральный министр вполне может на очередном параде бундесвера пройти во главе своего воинства запевалой, распевая: «Водородная бомба превыше всего...»

В. МЕНЬШИКОВ

Топчутся на одном месте.

— Итак, господа судьи, стоящий перед вами девятнадцатилетний американец по имени Джимми Уильямс, родом из Хомини, штат Оклахома, обвиняется в убийстве шофера такси, японца Акира Кага, тридцати одного года. Убийство произошло на авиабазе Мисава, в трехстах пятидесяти милях к северу от Токио.

— Подсудимый Джимми Уильямс, признаете ли вы себя виновным в совершенном преступлении?

ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ

— Какое это преступление! Кокнул шофера — это верно, но ведь он японец...

— Господа судьи, я, как представитель обвинения, хотел бы продемонстрировать вам орудие убийства — пистолет подсудимого. Вот этот пистолет.

— Подсудимый, вы это подтверждаете?

— Да, из него я и пальнул.

— Слово предоставляется адвокату подсудимого Гору Иосимура.

— Мне нечего сказать.

— Суд удаляется на совещание.

* * *

— ...И, беспристрастно рассмотрев дело упомянутого американского летчика Джимми Уильямса,

суд постановляет: применить к обвиняемому максимальную меру наказания — штраф в размере ста тридцати девяти долларов.

* * *

— Что это вы приуныли, папаша Уильямс?

— Да вот мой Джимми опять проштрафился. Просит выслать сто сорок долларов для уплаты за какую-то свою проделку. Дорого же нам обходится, черт побери, защита этих японцев от коммунистической угрозы!

ЮГ 58

В ВЕТЧИННО-РУБЛЕНОМ РАЗРЕЗЕ

Однажды ночью обитателей гостиницы в поселке Новая Ляля, Свердловской области, разбудил взволнованный крик:

— Уж не горим ли мы?

Люди ринулись к окнам. Действительно, возле дома тревожно краснела пожарная машина, мелькали надраенные медные каски. Не наблюдалось только основного — дыма и огня. Да их и не могло быть. Пожарники занимались обыкновенным, прозаическим делом: выкачивали воду из подвала гостиницы, где помещалось районное книгохранилище.

Вода убывала. И показались первые «утопленники». Это были книги. Много книг — не одна тысяча. Когда борцы с огнем сделали свое дело, взору предстало трагическое зрелище: герои классической русской и зарубежной литературы костями полегли на грязном полу подвала, словно на поле брани. Уже не под поездом, а в бурных подвальных водах погибла многострадальная Анна Каренина. Ее участь вторично разделила Катерина из «Грозы». Видимо, долго боролся с водной стихией неустрашимый Дон-Кихот Ламанчский, но и он пал, как подобает рыцарю. Скорбно взирали с размокших портретов на бездыханных героев своих авторы.

Не думайте, что этот случай — всего лишь досадное исключение в Свердловской области. Совсем нет. В других районах с книгами обращаются еще хуже. Если в Новой Ляле погибло книг на 16 тысяч рублей, то в Серове — на все 100 тысяч. Не раз захлебывались книги, заточенные в глубоких подвалах складов самого Свердловска. А вот в книжных магазинах наблюдается иная картина: штабеля книг катастрофически растут вверх. В магазине № 14 по улице Быкова они уже достигли потолка. Проходы между книгами рассчитаны настолько экономно, что в них худощавый человек может пройти боком или проползти по-пластунски.

В городе строятся всевозможные торговые учреждения. Но для книги жилплощади не находится. Почему?

Дело в том, что все торговые организации, кроме книготорга, подчиняются местным торговым управлениям — областному и городскому. Книготорг же — управлениям культуры. Последние осуществляют только идейное руководство. С точки зрения материальной, книготорг зависит от тех же торговых управлений. Налицо двоевластие, и первые его жертвы — книги.

Как только начинается распределение площади под торговые точки, работники книготорга переходят к долговременной осаде управлений торговли. Их обычно встречает радостно взволнованный начальник городского управления торговли Петр Патрикевич Калинин. Хитро улыбаясь, он приветствует книжных делегатов примерно следующими словами:

— Не могу, не могу, уважаемые! Книга — вещь, хе-хе, несъедобная, и надеть ее нельзя. Это вам не костюм и не колбасное, скажем, изделие. Вот в таком порядке... Колбаса — базис, а книга, извините, — надстройка. Жаловаться? Милости просим!

В том же ветчинно-рубленом разрезе смотрят на книги и другие отцы города. В частности, тов. Любимов, заместитель председателя горисполкома. Поступило к нему как-то постановление Железнодорожного райкома КПСС и райисполкома об открытии в новом доме около вокзала книжного магазина. Посмотрел заместитель председателя, подумал и решил, что железнодорожники проживут и без духовной пищи. В новом доме открыли закусочную-автомат.

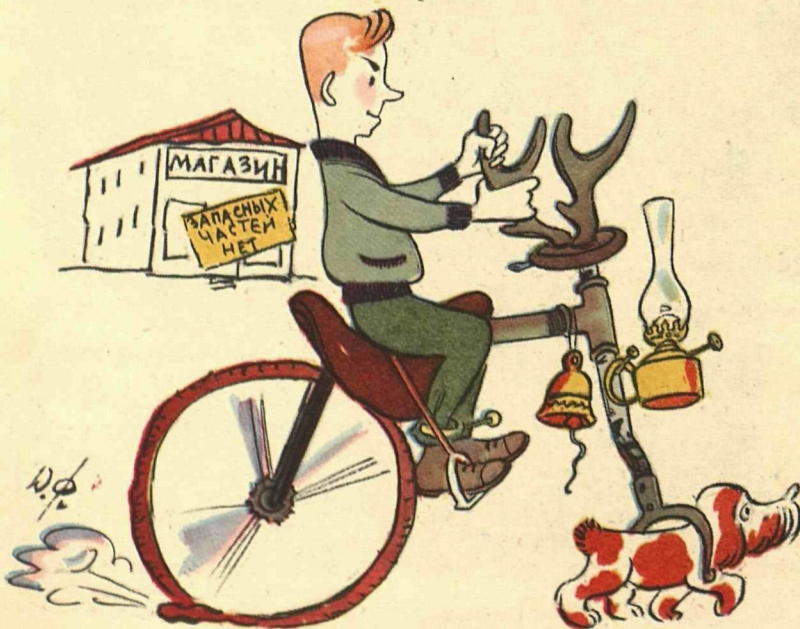
Много лет идут разговоры о строительстве в Свердловске солидной книжной базы. Вопрос неоднократно поднимался, ставился, заострялся и, наконец, от всех этих операций притупился.

Нет, не любят товарищи Калинин и Любимов книги!

В. ПРОХОРОВ

г. Свердловск.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА по теме П. Кукушкина (Москва).

Выход найден.

МАМИНО ПУГАЛО

Рисунок М. БИТНОГО.

— Сейчас же брось молоток, а то из тебя рабочий выйдет!..

СТУДЕНЧЕСКИЙ

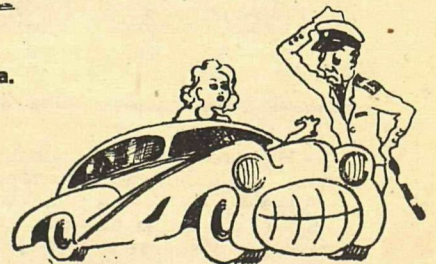
Рисунок из газеты «Инженер транспорта» Московского института инженеров железнодорожного транспорта имени Сталина.

— Где мои брюки?
— Их Таточка в институт надела.

НА ПАПИНОЙ МАШИНЕ

Рисунок из газеты «За медицинские кадры» 1-го Московского медицинского института.

— Скажите, как проехать на целину!

1. Поэтический «пережог»

Каким путем попала дальневосточная газета «Суворовский натиск» в руки жителя города Брянска А. П. Пахоменкова, сказать затрудняемся. Ясно одно: хотя номер был двухлетней давности, Пахоменков сумел извлечь из него пользу.

Он не заворачивал в газету селедку. Нет. Он обнаружил в газете стихотворение «Пережог». Экономя ваше время, читатель, приводим из него только первую строфу, которая выглядела так:

**В часть энскую приехал Ревизор.
Зашел он сразу в кабинет Начфина,
И между ними вышел разговор
О пережоге пары тонн бензина.**

Под стихами стояла подпись: «Инженер-майор Ф. Петров».

Стихи Пахоменкову понравились. Понравились настолько, что через весьма короткое время они вновь появились в газете... «Брянский рабочий», где их, невзирая на лица, поместили под рубрикой «Взирая на лица».

Правда, первая строфа несколько видоизменилась. Пахоменков снял со стихов военную форму, начфина разжаловал в главбухи, «часть энскую» преобразовал в мирный трест «Автошина». Теперь строфа имела такой вид:

**Раз в город Н. приехал ревизор.
Зашел к главбуху треста «Автошина».
Произошел с главбухом разговор
О пережоге двух цистерн бензина.**

В остальном стихи были полностью идентичны тем, что два года назад опубликовал «Суворовский натиск». Под стихами значилось: «А. Пахоменков».

Так работник брянской дорожно-мостовой конторы Пахоменков вступил на стезю поэтического творчества. Вступил не совсем законным путем. Интересно: далеко ли он по этой стезе уйдет?

2. Осторожно! Прислал Пущин

Списывать у своих ближних (а также и дальних) нетактично и опасно. Можно и на скандал нарваться. А своим собственным добром каждый индивидуум может распоряжаться, как ему угодно.

И, рассудив таким образом, воронежский поэт Иван Пущин распорядился своим поэтическим имуществом по своему усмотрению.

В результате в газетах «Труд» и «Литература и жизнь» в один и тот же день, 6 августа сего года, появились одни и те же стихи. Только в «Труде» они назывались «В степи», а в «Литературе и жизни» — «Идут машины». Начинались эти «степные машины» так:

«ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ»

**За ток колхозный
К сумрачным полянам
Летит звезда, перечеркнув зенит,
И воздух кажется
Таким стеклянным —
Ударь в него —
Он сразу зазвенит.**

«ТРУД»

**За ток совхозный
К сумрачным полянам
Летит звезда, перечеркнув зенит,
И воздух кажется
Таким стеклянным —
Ударь в него — он сразу зазвенит.**

Кроме колхозно-совхозного тока, изменение коснулось лишь покрышек грузовиков. В первой газете они «шипящие», во второй — «узорные». Да в «Литературе и жизни», видимо, сократили последнюю строфу. В том, что больше никакой обработке свои стихи Иван Пущин не подвергал, можете удостовериться, заглянув в эти номера газет. А если у вас есть желание, загляните и в «Комсомольскую правду» за 21 августа 1955 года, где эти стихи также были напечатаны.

Редакции, берегитесь Пущина! Он под копирку работает.

Рисунок Э. ЗМОЙРО.

— Красная шапочка, я тебя съем!
— Не ешь меня, серый волк, а то для детей сказок и так мало.

КОМОРА

Рисунок из стенгазеты «Моторчик»
(Московский авиационный институт).

Эх, ребята, жизнь плохая,
Самая проклятая:
Полюбил девчонку я,
А она хвостатая.

— Я готов ради вас на луну слетать.
— Ну, теперь это не так уж сложно!

ДОКЛАД С ОГОНЬКОМ

Секретарь заводского комитета комсомола Саша Живцов вошел в кабинет секретаря райкома ВЛКСМ.

— Павел Иванович, я к вам. Хочу ознакомить вас с моим докладом на районном активе, может, чего поправите...

— Ага, согласовать, значит, тезисы хочешь? Ну давай читай, что там у тебя.— И секретарь райкома откинулся на спинку кресла, приготовившись слушать.

— «Ребята! — бойко начал Саша Живцов.— Сейчас я вам расскажу, как наши хлопцы за последние полгода наладили спортивную работу. Вы знаете, что почти все районные кубки перекочевали в наш красный уголок. Вот как мы этого добились...»

— Э-э, нет, брат, стоп! — прервал Живцова Павел Иванович.— Дай-ка сюда твою бумажку.

По мере того как Павел Иванович читал тезисы Сашиного доклада, на его пухлом лице разливалась скука.

— На, брат, возьми свою писанину, — сказал он, возвращая Саше бумагу.— Ведь ты перед кем собираешься выступать? Перед собранием районного комсомольского актива. А ты что пишешь? Где четкая, выдержанная констатация момента? Нет ее! Посмотри, какими словами ты собираешься разговаривать с опытными комсомольскими работниками: «Ребята! Наши хлопцы наладили...» Нет, это никуда не годится!

— Это же про спорт, Павел Иванович! — сказал Живцов.— Я стараюсь объяснять живым, разговорным языком.

— «Разговорным!» Молодой ты секретарь, поэтому пишешь разговорным. Вот Михаил Боков до тебя был — тот умел доклады делать! Бывало, из ничего такую вещь смастерит — заслушаешься, прямо на ноты перекладывай! Не забудь, что ты вожак. Понимаешь, комсомольский вожак! Поэтому я требовал и требую от всех и от тебя тоже: пиши по всем правилам.

— Я не совсем понимаю, Павел Иванович...

— Вот это — другое дело. Так бы и сказал: не понимаю. Тогда давай-ка обговорим...

— «Обговорим»? — Живцов не скрывал изумления.— Это еще что?

— Хе-хе. А еще обиделся на меня! «Обговорим» — значит «поговорим об». Об данном конкретном докладе. Бери ручку, пиши.

Павел Иванович встал позади Саши, заложил руки назад, качнулся на носках.

— Пиши. Заголовок: «С комсомольским огоньком». Звучит? Звучит. Далее: «За отчетный период в нашем спортивном обществе достигнуты некоторые успехи. Сегодня, товарищи, я хочу резюмировать...»

— Начинаю понимать, Павел Иванович, — сказал Саша, кладя ручку.— Если разрешите, вечером я принесу новый доклад.

— То-то, — провозжал его Павел Иванович.— Главное, с комсомольским огоньком. Вечером подскочишь — обговорим...

Саша пришел вечером, как и обещал. Он решительно шагнул к столу и протянул секретарю райкома новый доклад.

— Готово? — изумился Павел Иванович.— А ну-ка прочтем, как он теперь звучит!

— «Товарищи! За отчетный период, заключающий в себе шестимесячный этап работы нашей заводской комсомольской организации, ее бюро добилось коренного улучшения в деле постановки вопросов спортивной работы и достигло некоторых успехов...» — прочитал Павел Иванович, и по лицу его стала разливаться умиротворенная улыбка. Так улыбается преподава-

ВАРВАРА АНДРЕВНА
КАРБОВСКАЯ

(К пятидесятилетию
со дня рождения)

Дружеский шарж
Н. Лисогорского.

тель, ставя пятерку исправившемуся шалуну.

— «Вновь выбранный комитет стал глубже вникать, конкретно руководить, практически осуществлять необходимые мероприятия для оживления и оздоровления... Взяв под контроль функционирование секций, комитет включил в повестку дня ряд организационно-технических, методических, тематических, политико-воспитательных вопросов...»

Закончив, Павел Иванович пожал руку Саше:

— Ну, товарищ комсорг, спасибо! Вот это то, что нужно! Вот чему я учил, учу и буду учить низовых работников!

Саша вяло ответил на рукопожатие секретаря и сказал:

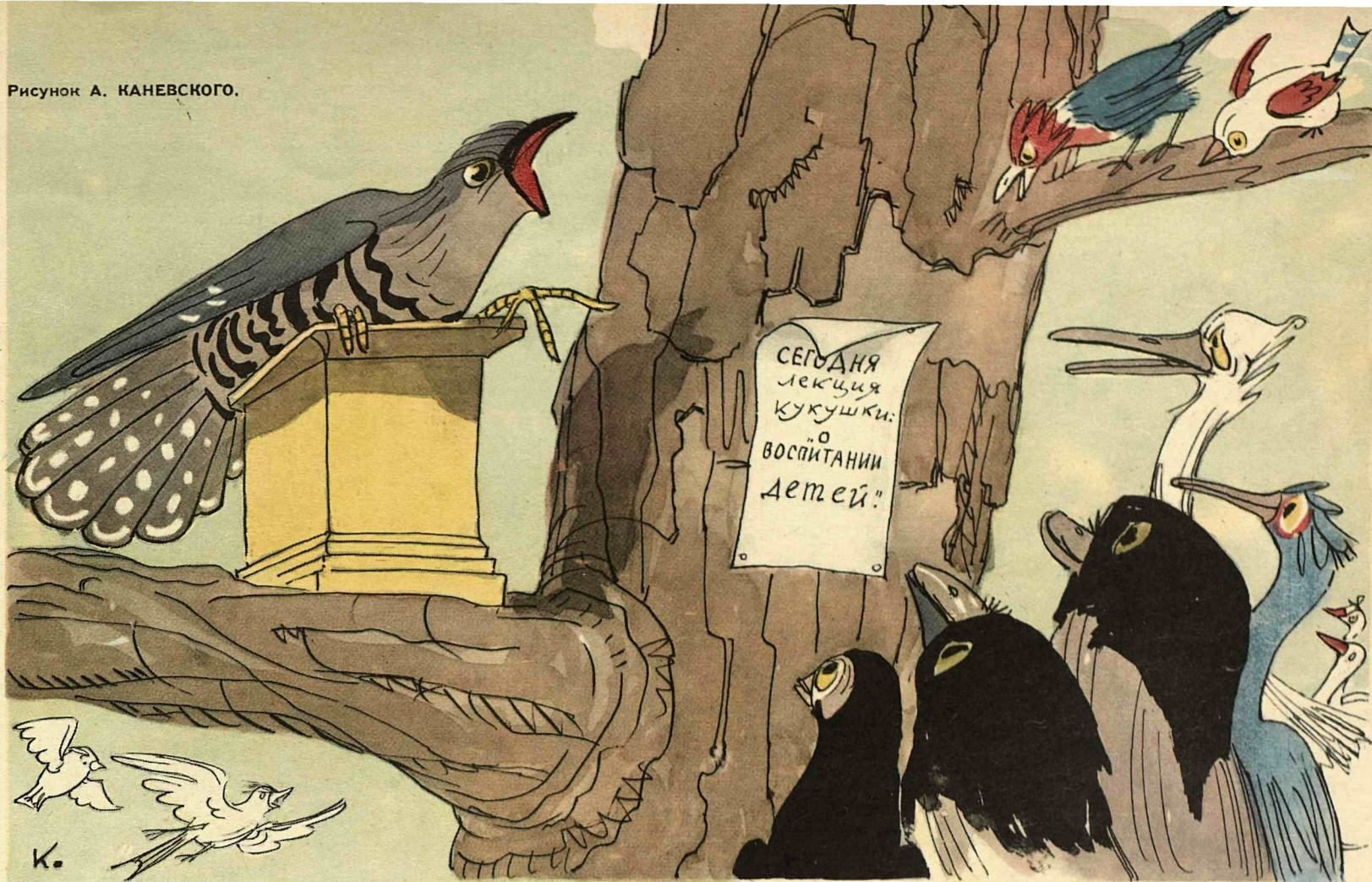
— Докладчик-то не мой, Павел Иванович. Так, разве некоторые вставки, а остальное не мое. Я это из архива извлек. Это прошлогодний отчетный доклад Михаила Бокова... Именно после этого доклада Боков стал именоваться «бывшим комсоргом»...

г. Владивосток.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

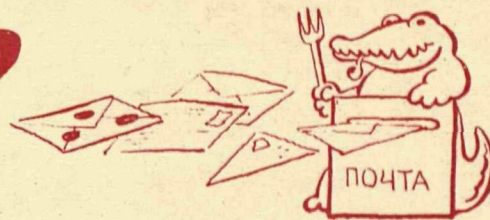
ПРОХОЖДЕНИЕ ПРАКТИКИ.

ОПЫТНЫЙ ЛЕКТОР.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Очень просим тебя, пришли нам самую большую полевую палатку, какую только найдешь.

Учти, речь идет не о палатке для тиритов,— нам она нужна для учебных занятий.

Ты, может быть, скажешь, что в палатке заниматься неудобно? Но что делать, когда постоянного помещения для дневных занятий у нас нет? А мы только в это время имеем возможность учиться, ибо вечером работаем.

Мы неоднократно обращались за помощью в Брянский горно, в отдел школ обкома партии, но добились пока лишь того, что нам дали временное помещение — до ноября. А что нам прикажете делать позже?

Вот почему мы и обратились к тебе за помощью. А за палатку ты, дорогой Крокодил, не беспокойся: в конце учебного года мы с громадной благодарностью вернем ее в полной сохранности.

По поручению учителей и учащихся 8-го, 9-го и 10-го классов Брянской городской школы рабочей молодежи № 1...

А. МИСЮРА

ДРУЖИЩЕ КРОКОДИЛ!

Не в службу, а в дружбу: вытщи у меня, пожалуйста, соринку из глаза. А то, пони-

маешь, на свет взглянуть не могу: такая резь! Побежал в поликлинику, но там у глазника огромная очередь, кинулся в «Скорую помощь» — та же картина.

Ждут люди очереди и дружно ругают Николая Ивановича Кустикова, директора Гродненской электростанции. Электростанция стоит в центре города, круглые сутки выбрасывая в воздух частицы переработанного топлива. Это она, вернее, ее директор товарищ Кустиков виновен в том, что горожане зачастили к глазным врачам.

Лавры Кустикова волнуют сердце директора Гродненской обувной фабрики Бориса Владимировича Позняка. Выходя из проходной, он поднимает очи горе, сравнивая столбы дыма над фабрикой и электростанцией, и удаляется, удовлетворенный: фабрика дымит не хуже.

В июле санэпидемстанция оштрафовала Позняка на 100 рублей, но это не помогло. Над обоими предприятиями по-прежнему дым коромыслом, по-прежнему носятся по городу тучи угольной пыли.

Не можешь ли ты, Крокодил, воздействовать на гродненских любителей пускать пыль в глаза?

А. ФИНКЕЛЬ

г. Гродно.

ПОЧТЕННЫЙ КРОКОДИЛ!

Помоги найти покупателя на совершенно новый киноаппарат «Украина» и не спрашивай, зачем мы продаем такую нужную нам вещь. Нас принудили. Принудили достаточно эффективной мерой: полностью изолировали от любого рода учебных и документальных фильмов. Кинопередвижка покрывается пылью, рядом в столе покоится разрешительное удостоверение от 18 февраля 1958 года.

Постановщик этой картины — английская контора «Главкинопроката». В эпизодах участвует тов. Гусев — начальник областного управления культуры. Несмотря на наши просьбы и письма, все идет, как по поговорке: «Раз, два, три, кто играет, тот молчи!» И молчат уже девятый месяц.

Не объяснишь ли им, что такая «скромность» не к лицу ни человеку, ни конторе?

Ф. БАЖЕНОВ, директор

средней школы.

Р. ГЛАЗУНОВА, заведующая

учебной частью.

с. Ровное,
Саратовской области.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 05337. Изд. № 1077. Подписано к печати 10/X 1958 г. Формат бум. 70x108¹/₈. Заказ № 2377. Тираж 1 020 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

41

21 ОКТ 1958

27905 М

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Американцы вооружают чанкайшистов управляемыми снарядами типа «Гремучая змея».

ТАЙВАНЬСКАЯ «ЗМЕЯ ГРЕМУЧАЯ» И УЧАСТЬ ЕЕ НЕМИНУЧАЯ.